

Голоса.

Действующие лица: люди внешне и внутренне соответствующие тому, что говорят.

1.

Первый человек. Я этого зайца сразу увидел. Ну, не зайца даже. Вот серьезно. Не зайца а как бы хвостик его. Маленький такой, пушистый. Потом уже и зайца целиком. Я даже не знаю, как это объяснить толком. Я вообще стрелок нормальный и на охоту отец меня с детства с самого брал. Зайцем меня не удивишь особо. Я их столько видел. Ну по разному видел. Да я их разделал наверное не меньше сотни за жизнь. А этого увидел и прямо ступор какой-то. Как зачарованный какой-то на этот хвостик уставился и ни ружье не вскидываю, не прицеливаюсь, ничего короче такого. Замер весь, кажется и сердце не бьется. Не дышу, не глотаю. А он скокнет, заяц этот, с места на место и сидит. И тихо так, кажется, даже слышу, как он дышит, как снег у него под лапками похрустывает. Мороз такой. А он что-то вроде как нюхает. Осматривается. Я никогда и не думал раньше, вот, сколько на охоту ходил же... и ни разу, вот ни разу не думал ни о чем таком... Говорю же, как зачарованный какой-то. И хвостик этот. А сам ружье потихоньку уже поднимаю. Думаю, убью его, а хвостик дочке на шапку повешу. Серьезно, так и думал. И медленно так, медленно целюсь, веду за ним прицел. Я вообще неплохо стреляю. Можно сказать, что хорошо ... А тут и расстояние еще, метров двадцать, не больше. Я даже не знаю, как он меня не услышал на таком расстоянии, не испугался и ничего такого. Сам, выходит, меня подпустил. Я целюсь такой, короче, долго. Я обычно не думаю даже, то есть автоматизм полный с годами выработался. Увидел-прицелился-хлоп. Вот если ты охотник, ну нормальный охотник, а не пулеметчик пьяный, то на эти три действия больше секунды не надо, когда оно само, когда в крови уже это... Вот как водитель например, он же не думает, куда руль повернуть, когда опасность какая-нибудь. Он сразу действует. Просто моментально. Там секунда может надо, а может и того меньше. Хотя говорят там, что время реакции, там три с половиной где-то секунды. Ну, слышал я что-то такое. Но это вранье все. Да даже меньше секунды нужно. Если это в крови уже. Потому что не думаешь совсем, просто делаешь. А у меня как замедлилось все. Все как в замедленной такой съемке, и мыслей всяких, и про хвост, и про то, сколько у зайца этого времени по жизни вообще, и что скучно, наверное, так вот целыми днями, с места на место, а у них же еще только враги, ну

натурально враги только. Как это сказать, они там... на низу этой, как его...пищевой этой цепочки. Столько мыслей, короче, прямо сосредоточиться не мог. Так что даже про кино это вспомнил, где еврей такой в шапочке учил девочку стрелять, типа, что дыхание нужно задержать, и между ударами сердца выстрелить. Так я вот мысли эти всякие, целую кучу мыслей, просто так замедлял, замедлял, так чтобы они почти не текли даже, а стояли почти просто, чтобы потом, когда одна закончится, а вторая еще не начнется выстрелить. А он и не отходит даже, хотя должен же он был запах почувствовать. Не знаю... Ну притихло все, я в голову целился. Хвостик думаю, чтобы не повредить, не задеть там его как. И он вроде замер, такое бывает, когда кажется, что зверь чувствует, ну, кажется так... Когда чувствует и вроде как согласен, ну не сопротивляется совсем. Есть такое... Любой охотник скажет, что с ним такое хоть раз да было, когда кажется, что зверь согласен. Хотя с чего вдруг он согласен должен быть? Но любой скажет, что такое что-то чувствовал, когда зверь замирает. Он может и принюхивается или прислушивается, тревожно ему, или что-то такое, а кажется, что он замер, потому что согласен с тем, что ты его вот сейчас убьешь. Хотя не может быть он согласен. Ни зверь там, ни человек, ни червяк даже. В общем, кое-как я прицелился... Минуту, может, там простоял не дыша. Уже воздуха не хватает, чувствую. И выстрелил. А он в последний момент, взял, да и подпрыгнул. Я ему в живот попал. Я сразу увидел. Снег белый, заяц белый, оно даже издалека было видно, откуда кровь брызнула. Он в воздухе был, когда я в него попал. Я подхожу такой, короче. Он еще дергается весь. Я вот так не люблю это. Хотя на охоту же постоянно хожу. Не люблю когда не в голову. Когда не с первого выстрела. На меня тогда и жалость такая наваливается, тяжело так на сердце становится. Хотя пару секунд назад думал, что он вроде и согласен. Я его за уши поднял, нож достал, перерезать горло хотел, чтобы он не мучился. И только я его за уши поднимаю, а он возьми, да и обосрись. И не так, как обычно у зайцев... эти какашки бубочками такими. А зеленая такая слизь, прямо с кровью, там, со всем. Конечно, я же ему в живот попал. И прямо слизь вся эта, все это мне на куртку, на штаны. Прямо в крови весь. Я ему по горлу, так, со злостью уже, что штаны испачканы, полоснул. Он все дергается, я еще раз, и еще. Пока он уже не затих совсем. Потом кинул его на снег, и хвост этот еще отрезал. Вот как напало что-то, как сумасшедший какой-то. Весь в крови, в говне, хвост этот обосранный, что мне с ним делать теперь, мыть или что? А потом что-ли дочке на шапку повесить? И даже не в том же дело, что я не на зайца, вообще, ходил. А в том, что как-будто сумасшествие какое-то. Я что серьезно хотел этот хвост на шапку повесить?! Это же глупость, ну вообще, несусветная какая-то. В здравом уме и мысль бы такая в голову не пришла. А мне мало того, что пришла, так я зайца этого убил, ножом его три раза еще, и хвост отрезал. Мне прямо от самого себя как-то страшно стало. А все ведь быстро так случилось, а если бы вот со стороны кто увидел, так он бы и не подумал, ничего нормального. Ну как тут нормальное что-то подумать? Я

давай снегом обтираться, штаны там...и куртку. Все руки в слизи этой я их тру, тру, тру... А от этой слизи зеленой с кровью вонь все сильнее и сильнее. С каждой секундой прямо. Сильнее и сильнее, я дальше отошел, все равно, все тру, тру, тру. Меня стошнило потом. Рвало, как коту помойного. Выворачивало просто. Вот уже даже все, нечем тошнить, а меня все выворачивает, такой же слизью. Без крови только. И озноб, какой-то и трясет всего. Вроде как задыхался даже. Немного отошел, собрался уже домой, но потом вернулся, снегом его закидал. И его и вокруг все, ну кровь там и слизь всю эту. Так чтобы не видно было. И так мне за себя как-то обидно было и зайца этого жалко. Я потом пробовал еще пару раз на охоту ходить. Только не один, одному как-то страшно было. Но уже все. Уже постоянно теперь... Там... не важно уже, на лося или кабана, я только зверя увижу, и сразу запах этот. Ну вонь, как от слизи этой с кровью. Вот с детства же ходил с отцом, и туши разделявал... С класса седьмого, так он меня учил, и как бычка заколоть, и свинью разделать, и никогда ничего такого не было. А тут хвостик этот обосранный, и все- теперь только вонь.

2.

Человек втрой: На гэтым сцякле ня відна, а далёше, там унутры, там я віжу, што ўсе стаіць нармальна. Ціпа прыжата плотна яно так стаіць. Ну ведаю, як мы, нявестка там, ці кросная, вот, неяк рабіла акно. Тры разы яны прыезджалі, блядзь!...у Мінску ставілі—тры разы яны мянялі акно. Яна даябалася, нейкая была ціпа на сцякле, ну ня трэшчына, нейкая, ну, хуйня. Памянялі ім. Потым паставілі, нейдзе у яе с падаконніка, ці с чаго там, хуярыў вецер. Прыябалася, яны тожа там нешта ей рабілі снова. Падымалі эту і рабілі.

Я тут тожа сенья палазіў па падаконніку... па наружы, паглядзеў як атлівы стаяць. Атліў крэпіцца будзе...вот на канцах там падштукатурацца гэтыя кончыкі і будуць вусікі прыжымаць... і у адным, там дзе шырэйшае акно, там, можна сказаць, у дзьвух месцах ціпа пенай прыжата, каб прыклеіўся падаконнік. А сам падаконнік ляжыць на кірпічах палучаецца, ну на раствору, так вот... на старом. Палучаецца дажа дзе ё, дзе пяць, дзе можа там поў санцыметры, а дзе і больш, я гляджу. Можна ў мяне так... можна так пальцам вядзеш, дзе ё пена, дзе няма, я ж віжу, блядзь, што няма! Калі разабрацца, тады тожа туды будзе ляцець воздух халодны, еслі, ну, с унутры я прайшоў учора... абразаў пену. Да, с унутры ўсе падпенена, аж па санцыметру, дзе па два там было, усе поўнасцю, аж усе поўнасцю, увесь падаконнік забілі. Па ідзе не далжно ужо сюды задуваць. Як бы там ні было. Я ладна, я с гэтым змірыўся. А пайшоў паглядзеў папярэднія вокны, там нідзе пальца, блядзь, не падсунеш-усе пена, аж да самага гэтага, дзе там дажа сагінаецца ...гэты... хуек. Усе задзелана, блядзь! А тут ужо тожа сэканомілі пену, так выходзя? Патаму што прыжата далжно поўнасцю! На пене далжно быць, як бы там ні была!

Я сразу не думаў, а так... нешта сеньня і пахадзіў, і ноччу ляжаў... Ёб тваю маць! Тока два, сеньня трэці дзень. Радзі інцярэса, во да хлопчыка гэтага, я ж ні начальніку не кажу, а з ім пагавару, скажу што гэта так і так. Так далжно быць? Пра разіначку. Ілі вы б маглі сказаць там, что мы білі і так палучылася, что яна там... Там калі падстукваеш, ціпа малаточкам стукаюць. Я так раньшэ глядзеў, як яны робяць.

А то, блядзь, жонка не угледзела. А, як гаварыцца, вечарам яно нічога не відаць, абсалютна. Дажа свет калі ўключаны, ты вечарам там ня ўвідзіш, што там абарвана. Яно цемна палучаецца, піздец.

Яшчэ хачу праверыць... нейкае энэргасберагаюшчае далжно быць сцякло, мы такое заказвалі. Яны гавораць, што неяк там бярэш, ці зажыгалку паліш на той старане, ці адсюль, што там не далжно быць атражэння, нешта такое. Ну нейкая хуйня там есць, ціпа трэцяе сцякло, пасярэдзіне стаіць, яно далжно быць з знейкай пленкай, вот радзі інцярэса пагляджу.

Так яны малайцы-чэсна кажуць... з аднэй стараны паглядзеў... я папрасіў старыя перагледзець вокны, падрэгуліраваць, дзе падказаць што. Яны ўсе там... адно цапляла... во, дзе рабілі дзверы... як рабілі дзверы, гаврылі мне адно акно паставіць. Яно такое левае, блядзь, акно! Можна сказаць, навернае, нядзелю яно не пастаяла, а ўжо стала не закрывацца, шмаравец там... хуяць... І што вы думаеце, і званілі і ні адзін блядзь не падняў! Ні адзін номер ужо не атвяхаў! Ніхто! А дзверы- ручку паставілі, блядзь, яны, тры дні можа прайшло, ці чатыры, адкрываю-ручка вынімаецца. Пачаў глядзець... Там жа шпонцікам такім завінчана. Так дажа шпунцік гэты не ўкручаны, а наадварот, запіхнуты туды проста стаяў і ўсё. Мы яго чуць вырвалі з зяцем, тады ен прыехаў... выкалупалі адтуль. А ен не па размеру, не так загналі, не по разьбе нават! Ен павінен там вострэнькім кончыкам заходзіць і штапарыць гэту ручку. А яны загналі яго наадварот! Як яны яго туды ўперлі, ілі малатком проста ёбнулі, і усе, блядзь!? І тожа званілі- ніхуя, ніхто, нідзе ... і баба рукавадзіцель... Дзверы-то здаровыя, беларускія, жалезныя, блядзь! Дачка кажа, харашо, хоць адно не кітайскае паставіў. Хоць яны і дарагія былі. Шэсць, ці семь мільенаў былі, талковыя такія дзверы, ціпа пад кожу кракадзілью зроблена. Ну мы там ніякіх замарочыкаў не рабілі, ніякіх суперзамкоў—просты замок адзін, ні дажа ні глазка, ніхуя. І тожа брак, я ж гавару. Вот, мала таго з гэтай ручкай было, потым у самым вярху было чуць-чуць адбіта. Там, можа, пяць, хай семь, да санцыметр дажа не было гэтай шкуры, блядзь, наложана. Тожа пазванілі. “Мы заедзем...” Адзін, перый раз толька атвецілі... нейкая баба... “Мы заедзем, будут наши ехать и заедут посмотрят” Усе. І па гэтым прайшло ўсе. І тожа, жалеза ўсе яно адсюль харашо зроблена, а вот калі канденсат, вот с унутры, с хаты, і вот само ж, па нізу яно ж тожа с жалеза зроблена, і яно ржавае, таму што паставілі голае жалеза нічым не абработанае, а канденсат.

Як бы ты ні хацеў, а усюды наёбываюць... Атрымліваецца, што так.

Да і хуй с нім! Я рад, што хоть гэтак паставілі. Мне тока цяпер, я ж кажу... Быць ня можа, давяду. Зіма пакажа. Но тыя, першыя, сем год акно, і нідзе, як ен кажа: “вы сіліконам хоць мазалі?”. “Не, ні разу”,- кажу. Ні адзін ні шарнір, ні хуір, і нідзе ні разу яно не замерзла. Семь год стаіць, і хоць я кажу, дык яно ж закрываецца харашо. Кажу, вы ж яшчэ пакажыце, як яно робіцца на зіму. Ен і казаў, там есць нейкая точка, яе здвігаеш к ручке, усе гэтыя канты, каторыя...там тры штукі іх, у бок ручкі іх паварачваеш, тады будзе платней закрывацца на зіму. Дык, вот, кажу, значыцца качэства было харашае. Дык яны і стаяць. Адзінае, што мне панравілася цяпер, я яшчэ, праўда, не адкрываў, пагляджу, як крэпіцца унутар гэта сетка маскітная. Не такая, што снаружы ўстаўляецца- там усе засовываецца так, а тут усе западліцо з акном. Так зроблена ізнутры так усе западліцо, і стаіць яно там чотка так, нічога там ёй не мяшае, не цапляе. Ну, я думаю, усе роўна будзе лепей, чым гэтыя сваі вокны. Сваі, яны па-першае дзеравянныя, ужо яны дваццаць адзін год, ужо яны паднасіліся, і ўсю дарогу іх клеіш, мажаш, блядзь. Хаця пласцік жаўцее... не само акно, а гэта маскітная сетка, но тут я думаю, што у нас на кухні ў асноўным, думаю, што можа жыр, хуір.

Но я вот неяк так не магу. Яно-та можа і ладна... як бы так палучаецца. А ў мяне нешта есць у харакцеры такое. Можа нават ...глаза так устроены. Вот, у мяне палучаецца зрэніе, яно пастаянна порціцца.. Нешта там с глазамі. Мне апошній раз, у права запісалі нават, што ў ачках трэба ездзіць. Но за хуйню такую, калі робяць не правільна, вот, как спецыяльна, глаза зачэпяцца. Усе бачу тады выходзя. Вот не магу прапусціць, хоць ты што хочаш са мной рабі. Пастаянна так. Жонка і не замеціла, а я, хоць і падслепаваты, а ўсе разгледжу. І, вот, мала, што разгледжу, а потым яшчэ пастаянна буду за гэта глазамі чапляцца. Вот харашо ж усе здаецца, а я зачэплюся глазамі за тое, што не харашо зроблена, і нічога ўжо ня бачу, акрамя гэтай хуйні, здаецца нейкай, нават, маленечкай.

Я раней, у прошлым годзе... ў прошлым, ці ў пазапрошлым, ну, ставіў тады, ездзіў забіраў дзверы ў туалет і ванную. Тожа, блядзь, ціпа расійскіе...выбраў зеркальныя, карацей. Тока самі канцы, ну такія, з дзерава, а астальное ўсе ціпа зеркальнае, но яно цёмнае ціпа сцякло, снаружы не бачыш, што ты там сядзіш, у туалече. Дык тожа, вот, адні забраў дзверы. Абналічка там с унутры і снаружы, цвет там такі ціпа дуба, ці што. Карацей, усе там нармальна. Прывез. Сабраў.

Вырашалі, што другія трэба, каб ужо аднолькавыя, ванная аддзельна і туалет. Другія тожа. Усе тое самае заказваю. Прыезджайце-забірайце. А забіралі туды... пад Калодзішчы недзе...нейкі склад на нейкіх ваенных базах. Усе такое ж, усе адзін к аднаму. Прывозім дамой... усе...дзверы точно такія ж. Адкрыў дзверы, адкрыў сцякло- ўсе харашае. Усе харашо там нідзе не скажу, усе заебісь. Эта самае... а абналічку адкрыў-саўсім другі цвет! Ёб тваю маць, што рабіць, ну! Добра, што вот у туалече, разабрацца... Браў жа

Ўжо...яно ў камплекце ідзе...з дзвух старон абналічка, ужо ты не закажаш, што адну...ну...яно у камплекце ўсе, с дзвух старон абналічка. А я ў туалцеце як ставіў... У мяне ж плітка, палучаецца, у ваннай толькі с адной стараны і ужо палучаецца лішня. І толькі добра во, што тая, і нармальная і не іспорцілася. Зарэзаў, што тыя былі, што на гэту, на першую дзвер. А адзін, ен так і ляжыць-ён саўсім другі. Я ім і не званіў... ну што ты паедзеш? Тады едзь спецыяльна... мяняй туды да іх эта самае. А другі комплект блядзі далі, хаця яно было ўсе разам упакована, у адно. Вот табе і абналічка!.... А так, каб усе ідзеальна, дзе ты, як гаварыцца, знойдзеш...

3

Человек третий: Я так вот не люблю, когда тихо... Мне постоянно нужно, чтобы звук какой-то был. Даже спать, когда ложусь-телевизор включаю. Моя сначала ругалась, но мне хватает, чтобы и тихо почти, чтобы совсем еле слышно. Она сначала только злилась, а потом смирилась, что странность у меня такая. Да и какая, разобраться, странность... Кто-то на ночь стакан воды ставит, она например, ей так спокойнее... выходит. А я, даже вот, в трактор сажусь-первым делом радио включаю. Мне, вот, нужно, чтобы что-то постоянно говорило, или пело...не важно. Такого же не было раньше. Я даже мог как-нибудь в разговоре сказать, что тишину люблю. Типа: «Ты, вот, попробуй целый день в тракторе отсиди! Голова как колокол, блядь!» А так разобраться, так ничего и страшнее нет, когда тихо совсем. Когда тишина полная, когда не шевелится даже ничего и сердце бьется только, и прямо кожей слышишь, как моргаешь. Больше всего мне такое не нравится. И что самое интересное, раньше же не было ничего такого. Я на рыбу ходил, думал даже из-за того, что один люблю побыть, в тишине. И на любую ходил...на зимнюю, там, или летнюю, не важно. А потом как-то летом перестал. Но зимой, вот, не могу... как только лед первый, снег, я все равно на рыбалку сразу. Во-первых, зимой-то и делать больше нечего. А во вторых-потому что моя... сразу... не знаю. Может, у нее болезнь какая-то, не знаю. Как только снег-она говорит, всегда говорит-иди ковры выбивай. Дома же есть пылесос и вообще проблем никаких. Я ей на день рождения моющий такой хороший купил. А она упрется и все. Неси, говорит, выбивай на снегу. Пока следы темные такие не перестанут оставаться. Ну, темные такие пятна. По пятнам же видно все равно. Можно, конечно, просто бить легонько. Я, в принципе, так и делал... Но ей же ничего не объяснишь! Свежесть нужна в доме. Что не свежесть, если чистящим помыть? Специальное же, говорю, чистящее...Для ковров, для свежести этой!

Я еще в четверг, курить выходил, смотрю, а там уже снега сантиметров десять точно напало. И вот я как бы знаю, не первый год же с ней живем, что ей уже моча к голове подступает с этими коврами. Я с вечера еще в подвал сходил, все собрал. А с утра встал тихонько, чаю в термос и привет... На электричке... Как в той песне по радио.

Там озеро лесное, от станции километров пять или семь. Я постоянно туда езжу. Там никого нет никогда, это во-первых, а во-вторых, там лес кругом, в лесу же лед всегда крепче, из-за того, что солнце туда не попадает, и ветра всегда меньше. Пришел, может, часам к одиннадцати туда. Пока лунок наделал, пока чаю попил. Словил там, может, парочку... мелких... Ну, не клюет. А первый лед, мне рыбу словить хочется. Я к заводи ближе. Ну, не к заводи, а там, как бы карман такой. Туда короче пошел, и, вот, не успел еще даже бур на лед поставить... Как ухну туда! Со всей хуйней! Рюкзак на плечах, бур в руках. А до дна там хер его знает сколько, я там летом и не был-то ни разу, чтобы примеряться.

Бур я сразу отпустил. Машинально просто. А рюкзак жалко. Я в одну сторону льда головой уперся, а в другую ногами. Думал, упереться так, как-бы вытолкнуться так, чтобы на жопу сесть. Там уже смотрю и ногами никуда не дотянуться. Лед все ломается, ломается. А рюкзак... Там, когда я барахтался, перехватывался, одна шлейка, наверное, спала как-то. А потом, когда я уже решил, что нужно грудью, так вперед... Не помню, я короче, как с меня этот рюкзак слетел. Так обидно, блядь! Я же мог его просто выкинуть. Ну, выбросить на лед, да даже одной рукой, если на то пошло. Просто выкинул бы и барахтайся себе сколько хочешь. Это я уже, понятно, потом думал. А стал короче я так грудью вперед вываливаться, пока лед ломался, а потом, он уже ну... перестал ломаться и я просто полз. Полз, пока на дерево не наткнулся. Там уже даже не знаю, сколько я по земле прополз. Я за это дерево схватился, чтобы встать, а оно сломалось, сухое такое дерево.

Сухостой. Я назад, на озеро смотрю, а там видно прямо то место, где рюкзак упал, ну где большая такая дыра. Потому что дальше уже такая полоска, где я лед в сторону берега ломал. Я за это дерево и на животе туда пополз. Ветку эту... Ну не ветку, а дерево... я ее короче в воду прямо, и назад. Холодно, страшно, а что делать? А я, вот, помню, что там, в лесочке, какая-то фигня заброшенная... может, будка водоканала, или очистные какие раньше были. Небольшой такой домик... кирпичный. Я про то, чтобы домой ехать, и не думал даже. Потому что замерз бы, еще пока до электрички дошел. Ну, в этом домике хоть без проблем все- ни дверей ни окон, все повынесено, разбито. Стены только кирпичные и плиты перекрытия сверху. Нужно греться, сушиться, а ничего нет, все в рюкзаке, и термос и чекушка. Хорошо еще, что курю, а так бы и зажигалка в рюкзаке была. Веток наломал-костер развел в домике прямо. Возле стенки самой, под окном. Дым в окно, а стенки греются. Шмотки развесил. И сам к этой стенке снаружи, то грудью прижмусь, то жопой. Погреюсь, веток принесу, опять погреюсь. Главное нужно было, чтобы шмотки высохли. Трусы и трико, так быстро высохли и майка тоже. В домик сам боялся заходить надолго, чтобы там сидеть. Кирпич белый- он температуру плохо переносит. Думаю, мало ли... И вроде, короче, все бы там нормально, если бы не тихо так. Вот, серьезно говорю. Мне даже проще было бы, если бы рядом дорога была железная, и все бы шумело, стучало, гудело. Даже, костер этот... от него треск не живой. И ветер когда

шумит, тогда тоже звук не живой, в пустоте будто бы. Вот, я и говорю, что страшно, когда звука нет человеческого какого-то. Даже, вот, мысли такие, может я и умер уже... утонул, там... или от холода. И мысль такая, она же если появится, то ее затормозить ну очень трудно. Потому что сам постоянно на одно и то же сбиваешься. Я-то чувствовал все, и когда грелся, и когда за дровами ходил. Да я даже рассказать толком не могу, хотя чувство это точно помню. Ну, не чувство, а то, что в голове от этой тишины происходило. Казалось, что не может быть среди живых так тихо. Да так со всем... Вот если представить, что солнечный день, и слепому солнце на глаза закрытые светит, вот он же все равно, тепло чувствует, а темно... Так и у меня было. Я даже говорить вслух начал, но в той тишине... вот, правда, если говорить никому, то как будто тумблер крутит кто-то... каждое слово все тише кажется и тише... И до утра, ну, не до самого, конечно, утра... пока вещи не высохли, все никак от этого страха избавиться не мог. Я про что только не думал. Что, вот раньше... я же из себя выходил, злился сильно, если кто-то шумит, например, этажом выше, или жена скандалит... а потом думаю, ну и что с того... Это же жизнь, она же такая и есть. Что я вот живу, пока не утихнут соседи или ее бабский визг нервный.

Ну и шевелился же еще все время, чтобы не замерзнуть. Я лапок наносил, позатыкал в этом доме все, что можно было. Окно только одно оставил, чтобы дым выходил. Туда к утру и зайти приятно было. Еще о сыне думал, вот хотелось мне все запомнить. Чтобы ему потом рассказать. Хотелось, чтобы он знал какой я непотопляемый крейсер, вообще. Потому что у нас разное с ним было... не общаемся с ним года четыре или пять совсем. Он если звонит, то матери на мобильный, а меня даже с днем рождения не поздравляет. Моя-то говорит, что он передавал поздравление. А я вот, точно знаю, что не передавал, хотя и знает, когда у меня день рождения, а если и забудет, так мать ему напомнит все равно. Вроде, если вот так разобраться, то я и сам тоже виноват. Пацану пример нужен, опора, а я скажем так, не сильно примерным был в свои годы... Но он бы умлел просто, если бы увидел, как я тогда стихию эту блядскую побеждал, точно знаю.

А уже как подсохли вещи, я раму от двери выломал. Я знаю же, что туда гвозди забивают, сотку. Выломал, короче, ну сделал так, как будто это багор. Палка, а из нее гвоздь этот здоровый торчит. До ветки этой дополз, что вчера вбросил. Льда не много было, сантиметра три. Хотя ночью казалось, что холоднее ночи я в жизни не видел. Одной, правда, палки от коробки не хватило. Пришлось еще за одной сползть. Ремнем ее привязал хорошенько. Там глубины-то оказалось метра два с половиной-три... как потолок в квартире. А страху было... Повозился конечно немного, но оно того стоило, конечно. Я рюкзак все-таки подцепил! Он тяжеленный конечно, но я его достал. Там же и термос был и снастей куча. И вот, открываю его на льду прямо, фонарик достаю, мне его сын подарил, давно еще. Добротный такой фонарик, с аккумуляторами. Достаю его, короче, из него вода прямо течет. На кнопку нажимаю, а он горит... Горит, блядь! Тускло так... Батарейка

разрядилась... от холода... или он, может, включился, пока я барахтался, а все ровно горит. Тускло так светится... И сразу чувство такое, что светится он, что я не подох от холода. Серьезное такое чувство, теплое.

Светится. А страху-то было... На самом деле ничего тишины страшнее нет. Такой, когда совсем тихо.

А все остальное...

Теплое такое чувство. Светится.

4.

Человек четвертый: Да все одинаково, и одинаковые. Все там так же, наверное. И романтики, наверное, никакой нет, как ее называют. Потому что смелых я и не видел. Ни там, ни тут. Глупых видел, упрямых тоже... а смелых... Смелые только в школьных книжках, и то это просто для упрощения придумано, для идеи какой-то книжной. А так разные люди там. Такие же, как и везде... откуда же они другие возьмутся? Вот, жена моя... та да... И смелая и сильная и не знаю... Прямо стыдно даже, что не люблю ее совсем. Я человека убил-и не так стыдно, не так совесть мучает, а за нее мучает.

Потому что про него я даже не думаю. И когда сидел не думал. Ну, может, первый там месяц или пару месяцев. А потом перестаешь, потому что с ума можно сойти. Так что это даже как-то на автомате получается, хочешь ты этого или не хочешь. И у всех так, с кем не говорил. Ладно у меня статья уважаемая, а есть же и такие, которые ... Я даже не знаю как объяснить. Вот сидели со мной, не то чтобы прямо в камере со мной, а вообще, два чудака... Они, короче, третьего съели. Бухали с ним, пару дней, там, или недель... Они что-ли вспомнят? И третьего этого привалили и съели, на закуску просто. Все там расфасовали, как могли, по холодильнику. Как там их вычислили, я не знаю. Но факт остается фактом: сожрали третьего, короче, с которым пили до этого. Они сами-то ничего не рассказывают, говорят, не помнят ничего. Я вот про то и говорю, что забывается все плохое и страшное, потому что если про это помнить, то поесть же им вообще невозможно бы было. Они, вот, и на воле бичами были, и на зоне им, конечно, жизни не было. А к нормальным, к тем и вертухаи нормально. Ну, к тем, кто по уважаемой статье, как бы давали про это забыть. А таких как эти, конечно постоянно во все говно мордой тыкали... Калина еще сидел, певец этот. Но он недалекий какой-то, если честно, хоть и считается, что певец и все такое. А ко мне сразу нормально, даже в СИЗО. Это потому что я нормально поступил...по-человечески... Я им, когда накидал по щам, то сразу на балкон покурить вышел, никак успокоиться не мог, еще же и выпивший был... Так они меня раздраконили!...

Мы сидели... пили просто, один говорит, ну... пошутил, короче, что жена у меня толстая. Меня это выбесило так, потому что он и сам жирдяй тот еще. Я и не выдержал, в морду дал, там, два раза, может. А второй за него вступаться давай-я и тому тоже, попался просто под горячую руку... Прихожу с балкона, покурил, все, успокоился. Смотрю, у жирного уже лицо синее, и второй этот хрипит в отключке. Я и ментов и скорую... всех сам вызвал. Даже не думая. Ни китель не убирал-ничего... он на дверце шкафа в прихожей так и висел. И они потом такие приехали, на китель глянули, спросили чей. И так и обращались ко мне: «капитан». Вежливо, короче. И я тоже вежливо им отвечал, не скрывал ничего, все как есть. Что жену обидели, что силу не подрассчитал. Зачем, вот, мне говорить, что она толстая? Или я ее не вижу каждый день? Что это вообще за херня такая?! Она что ли со зла или специально так?... Я и сам себя вот... Ну, я ее тоже поэтому и не люблю... не могу. Она после родов так... не знаю, сбилось у нее в организме что-то, или что. Вот, она как до родов вес набирала, так и после родов, почти не останавливаясь, прямо не успевали ей одежду покупать. Даже усы полезли, а это вообще некрасиво. И я вот, вроде бы понимаю, сколько она всего для меня сделала... Она... Если вот уже говорить о смелых, то вот она, наверное, смелая и есть. Она воспитательницей в саду работала, когда мне срок дали. А потом, короче, устроилась таксисткой. И малого одна все это время растила, и мне постоянно и сигареты, и фрукты, и шоколад, и сама приезжала. Да я ходил там нормально вообще. И костюм спортивный и кроссовки. Я выходил когда, так мне барыга еще денег должен был. В сторону меня такой отводит, говорит, ну, нету, мол, денег, чтобы сейчас отдать... никто же не знал, что меня по УДО освободят. Он и говорит, я серьезно, там такого говна хватает, хоть об этом и не рассказывает никто. В сторону меня, значит, отводит и говорит такой, мол, нету денег, хочешь-отсосу. Вот такая фигня там. Но я же говорю, про плохое стараюсь не думать. Я это твердо для себя решил. Всегда нужно про хорошее думать, и спину ровно держать, и голову светлую, и группироваться, и равновесие не терять. Больше всего это не люблю. Это как в боксе. Один хороший удар пропустишь, не закроешься, не сгруппируешься, или поплывешь-все, считай что проиграл. И так во всем. Чем бы ни занимался. Это страшное время, когда после удара равновесие теряешь. Я же говорю... Эти первые пару месяцев, когда на Володарке еще. Меня только привезли, по коридорам ведут, а там... Я даже такого представить не мог, что в таких условиях людей держать можно. Там, вот, сколько лет этой тюрьме, столько там и не делали ничего... решетки только подваривали. А я никогда, ну, даже не был никогда, не представлял такого. По коридорам ведут, и такая слабость в ногах, и страшно так, голова кружится, кажется, рухну вот-вот. И мысли такие, что не понятно, что там делать, кроме как о том думать, что я человека убил. Меня тогда вот как зашатало, так я пару месяцев выйти из этого состояния не мог. Просыпаюсь или спать ложусь, или просто сижу, а вокруг все кружится, все на бок как-то заваливается. Все... и стены и люди... Пока, там, суд, пока

все это. Еще же и надеялся на что-то. Хотя на что надеяться по такой статье, а все равно...

Это я уже в Жодино, потом, с Дедом познакомился, с земляком. Там уже проще стало. Дед, вообще, мужик хороший. Хотя если все его ходки сплюсовать, лет двадцать отсидел, точно. С первого раза, наверное, не понял. Зато потом что-то в нем, видимо, стало на свое место. Когда я в Жодино сидел, он уже батюшкой там был, хотя раньше, разбой, убийство, чего только не было в его деле. И вот кто не приходил, там же приезжают разные... и католики и православные и иеговы всякие, кого только не было... И главное, они все ни о чем. Они приедут, как на работу, кто водой побрызгает, кто побормочет что-то невнятное. Их никто из зеков и всерьез не воспринимал. А Дед, он всегда с душой, к нему люди сами шли, когда хотели, потому что он по толку всегда говорил, хоть и не носил даже никаких одежек этих церковных.

Я и виделся с ним потом, не так давно, кажется. Он раньше меня вышел, на год где-то. Позвонил ему, а он и говорит, приезжай, мол, баню натопим, то да сё. В деревне-то он ни батюшка никакой, а так просто... дед обычный. Кто его возьмет-то?! А он и сам так говорит, что только когда нужен, тогда Бог и призывает. Выходит, что он там нужен был, потому что люди сами к нему шли... поговорить просто даже. Он как-то располагал, с ним можно было спокойно про все... И про то, что страшно, и про то, что тревожит. С ним не стеснялся никто как-то, собой не боялся быть. Даже эти ходили, что третьего съели. Сами ходили, никто насильно не тянул.

Хорошо, конечно, что тогда к нему съездил. Из бани вышли, на крыльцо сели. Чефиру сделали, а солнце садится... яблоки в саду о землю бьются, и Дед, такой же спокойный... Сидит, с него пар валит, половина мастей листьями от веника залеплена. Прямо, вроде, и затосковать можно, по тому времени... Ну, есть такое иногда. Не по всему, конечно времени... а вот были на зоне такие моменты, когда кажется, что что-то понял, что-то по жизни такое важное-важное, чего раньше совсем не понимал, и не замечал даже. Злился, там, по пустякам или обиду держал, малодушничал, или еще чего. А там, на зоне, когда понимаешь что-то, кажется, что навсегда понимаешь. Вот, когда жена и приезжала ко мне, и работу поменяла, чтобы и мне и малому нормально было. Я же вот думал, что все, что жизнь за ее такую преданность готов отдать. Да, обо мне мать так в детстве не заботилась. Другая бы бросила и все, нашла бы кого. Я, вот, выходил когда, она же приехала за мной, на такси своем, конечно, важная такая, с музыкой, все дела. Я же так ее любил тогда, так благодарен был ей искренне, от всего сердца, по-настоящему. Я же не думал тогда, что Таню встречу, что все оно так будет. Не думал, что она вот столько для меня сделала, а я смириться не смогу, что она полная такая, что не возбуждает меня. Таня, например по характеру хуже, и я знаю, что не ждала бы меня. Не пахала бы как лошадь для того, чтобы я там здоровье не усадил. Она бы забыла просто и все. Ей это просто, как даже не знаю что. Причем, что так получилось... Я еще на УДО был,

когда с Таней познакомился. Может, год прошел, после того, как я вышел. Валя сразу все поняла, и просто так, без скандалов, истерик, без всего этого. А как поняла, сказала, ну, попросила номер ее. Они, наверное, час точно говорили. О чем, конечно, мне ни одна ни вторая не сказала. Но поговорили они, и она мне говорит, хочешь, говорит, уходи, только развода не дам, все равно, вернешься потом. Я про то, что там, на зоне, что-то понимаешь, и кажется, что это навсегда. Потому что искушений там никаких нет. Кажется поэтому, что так всегда будет, и долго с таким ощущением там живешь. В этом есть что-то такое, что не поймешь, если сам не посидишь, или не поживешь пару лет в Тайге где-нибудь. И я ушел, короче. К Тане. Хоть у нее и двое детей не моих, хоть она и на сотую долю ко мне так не относилась, как Валя.

Так со всем. Вот, я тоже, когда Дед уже вышел, я по нему сильно скучал... Без него все... вроде как неразбериха в голове. И думал тогда, что выйду и мы с ним видеться будем на воле постоянно. А по факту, я к нему только раз тогда и съездил. Ну и на похороны еще потом приезжал. А его даже хоронили на том кладбище, где мать моя похоронена. Я потом пошел, искал. Но не нашел, правда, могилку. Разрослось оно так или что.

5.

Человек пятый: Мне иногда кажется, что она специально это все делает. Просто из злости какой-нибудь природной. Вот, все буквально, что она делает, все для того, чтобы позлить или обидеть. Хотя по ней так и не скажешь сразу. Сашка ее как знакомить с нами привез, так она мне даже понравилась в первый раз. Не сказать, что б там уже красавица какая, но так...милая девочка...не залупалась, не перебивала и не поправляла на каждом слове. Злится уже начинаю.

Да и Сашка, он же нормальный парень был. Даже можно сказать, что дворовый такой, что хулиган. Из школы помню постоянно жаловались. Он то одному морду расквасит, то второму. И из армии он сержантом вернулся. Сам причем пошел, не просил там, не ныл, чтобы папка с мамкой отмазывали. Ни по чем короче видно не было, что он подкаблучник. Мужу самому должно противно быть на цыпочках перед бабой ходить. Но до свадьбы мы ее особо не видели. Может, раз, там, или два они к нам заезжали. Городская, казалось, обычная девочка и все. И что по залету они поженились, это ерунда. Это в наше время стыдно было, а теперь по-другому, наверное, и не женятся.

Первый раз она, я помню, голос на меня повысила еще в родильном когда лежала. Сашка попросил к ней заехать, у него по работе там что-то не получалось заехать. Сказал сыра отвезти, воды, еще там что-то. Но он сразу предупредил, чтобы из криницы не брал, что она ее пить не будет, а взял

чтобы в магазине питьевую просто, без газов. И сыра тоже название сказал. Потому что если бы он не сказал, то я у соседа бы купил. Я у нас, короче, спросил в магазине, говорят-нет такого и не бывает, смотрите, мол, в Минске. В Минске в этом тоже... Я в один гастроном, в другой... Штук пять, наверное, этих гастрономов объездил-нет нигде такого, я и плюнул, купил какой был, «Пошехонский» или «Российский»...не помню. Обычный сыр, свежий и все...я проверил. Приезжаю такой к ней, а самому же радостно, внучку, думаю, увижу. Мы же со старой давно уже познакомиться хотели. Я же не думал даже. Это же сыр просто. Приезжаю, позвонил ей, все. Она вышла. Без внучки, правда. Думаю, мало ли...спит, или процедуры какие. Покажи, говорю, хоть фотографии, сейчас же все на телефоны фотографируют. Показывает она мне значит фотографии, а на каждой карточке глаза как бы такими пуговицами заделаны! Seriously! Думаю, вот же блядь, Сашку угораздило! Ну а сам деликатно так спрашиваю, что, мол, с глазами? Они косые, кривые или узкие, как у китаезы? Но я не так говорил, а как-то, кажется, повежливей. А она спокойно так отвечает, что это для того, чтобы не сглазил никто. Это она мне говорит! Деду! Меня прямо в пот бросило от злости! Но, правда, не сказал ничего. Промолчал. Токсикоз этот, роды, все смешалось, думаю, в голове, перенервничала. Это я себя так убеждал просто, как потом оказалось. Уж больно мне верить не хотелось, что она на полном серьезе все это говорила. Сыр этот еще даю, а она как скривиться. Не стала брать. И главное с таким видом, как будто этот сыр есть- это ниже ее достоинства. А он...ну обычный нормальный сыр, «Савушкин продукт», может. Его за границу возят продают, а она кривится. «Я другой просила». Я объясняю, что в пять, может, гастрономов ходил, что нет такого. Что мне, тяжело было бы тот купить? Мне же не денег жалко. Я и говорю, что, мол, хочешь, мы с Сашей созвонимся, где он там его покупает, я еще раз съезжу и привезу. А она такая: « созвонимся». Развернулась и пошла. И хоть бы что там... ни спасибо, ни попрощалась...ничего. Смаркачка такая!

Но это еще что. Это еще цветочки только. Внучку мы увидели, когда ей пол года уже было. До этого только фотографии то с пуговицам, то со звездами вместо глаз. Они все говорили... Ну как они. Я-то понимаю, что Сашка тут не при чем. И где только он яйца свои дел! Вычитала она там где-то, что с другими людьми контакт не желателен, потому что иммунитет формируется. Я даже не знаю, где она это все вычитывает. Но такое чувство, что вот самое сумасшедшее, что только есть, так она только в то и верит. Это же я не знал еще, что они мяса не едят. Вообще. Ни сало там, ничего.

Гарниры одни.

Мы приехали к ним, когда пол годика внучке было. Ну там стол она накрыла. Мало того, что подарки все пересмотрела сама, не разрешила подарить значит. Как будто мы заразное что-то привезли. А там, ну, игрушки, и мы же смотрели, на них на всех теперь пишут от сколько до сколько. Нет, она специально на зло все перебрала и обратно в пакет. Их, говорит, мыть надо.

Сели за стол. А поесть вообще нечего. Салат и тот, с этими... вонючими такими, как рыба тухлая... кальмарами, или креветками, не знаю я. Рулетики какие-то с рыбой и все. Хрен, блядь, хрен и тот зеленый где-то нашла! Я клянусь, зеленый! И даже вилок не положила. Эту еду, говорит, палочками едят. Чего не руками думаю, не мордой, блядь, из тарелки прямо?! Я уже не вытерпел это все просто. Я без закуски пить не люблю. А Сашка еще дорогое что-то купил. А закусить, ну, натурально не чем! Хоть бы хоть что, хоть бы голубец какой или котлета, потому что я поесть нормально люблю, хоть и не толстый. С моей, вот, сколько прожил, и ни разу даже не задумывался, как мне повезло. Ел и ел, как будто это так и должно быть. А у этой, у нее же всю эту гадость в рот взять не возможно. Там семечки какие-то, там изюм с фасолью, там сыр, казалось бы, сыр, так она все кусочки медом полила! Это же сыр! Он же соленький должен быть! У моей всегда, даже вот, кажется, нету ничего под рукой, а она что-нибудь состряпает, за пол часа буквально. И объедение, что пальчики оближешь. Она же у меня в общепите работала, когда после института приехала. Так она тогда так приготовила была. Тогда в Хатыни какое-то собрание было, ну, все там были. Так она так приготовила, что Машеров, сам Машеров, у людей там ходил спрашивал, кто это такой суп приготовил. Моя говорит, начальница ее с Машеровым пришла. А она от волнения сознание потеряла. Просто упала и все. Ей начальница потом уже говорила, что Машеров сказал, что такого вкусного супа никогда не ел, даже в детстве, и рецепт взял. Не нальешь же Машерову с собой в банку. А там, кажется простенький такой суп, ягодный. Там черника с клецкам, он такой густой получается, холодный надо есть. Летом самое то.

А у этой все не вкусно. Она как по жизни во все самое сумасшедшее верит, так и с едой. Хватается за все подряд. Без царя в голове, короче. И все же дорогое еще. Да я уверен, что этот кальмар вонючий, что он дороже даже говядины стоит.

Ну, в тот вечер я не выдержал уже. Я уже все сказал, что думал. Может, местами, даже резковато получилось, но уже не стерпел просто. И про пуговицы, и про то, что они ребенка крестить не собираются. Ну на самом деле! Я ей так и говорил, что, говорю, ребенка не покрестите, или вы его и в сад и в школу с пуговицами вместо глаз отправите? Так она говорит, что их ребенок в школу ходить не будет. Как это не будет? Что она, блядь, за жизнь такую нашей внучке придумала?! А она, как прочитала, так и пересказывает. «Ваши советские образовательные институты личность подавляют» Всем, значит, не подавляет, а ей, этой пизде сумасшедшей, подавляет. Да она даже отвечала когда, ее прямо колотило всю, у нее даже челюсть дрожала. Я им так сказал, что мы к вам ни ногой больше. Захотите куда сходить или съездить, внучку оставляйте, и сами приезжайте, если будет желание, но у меня все будет по-моему. Старую забрал тогда и домой поехал. Потому что Сашка, как себе хочет, а у меня еще яйца на месте, хоть и старый. Я под дудку салапячки какой-то танцевать не собираюсь. Внучку только жалко.

б.

Человек шестой: Нет, ну, просто... всякое, ведь бывает. Живешь, вроде, как все и нормально все. Ну, вроде, и смирился со всем. Работ есть, деньги какие-никакие платят. Да и дети уже взрослые, выученные и все такое... Вроде, ничего такого и не ждешь уже, ну, не случится ничего такого... ощущение такое... что не случится. В смысле хорошее что-нибудь, чего не ждешь... неожиданность какая-нибудь. А так вот разобраться, на самом деле, что вот еще хорошее может случиться? Жонка все «Суперлото» покупает. Я ее и не отговариваю, ну там... они же не много денег стоят. Ну там по билету этому в неделю раз, это же ничего страшного. Мы-то больше цены билета никогда не выигрывали, да и то только когда стираешь там копеечкой. Это сейчас копеечкой, как в детстве прямо. А до копеечек, так там скребли чем попало, что под руку попадет, короче. Я к тому, что вот разобраться, оно же не дорого... так вот за надежду какую-то платить. Я хоть и не верю, зато она верит. Ей вот нравится. Она и в церковь на все праздники ходит- это же хорошо-в церковь-то ходить. Сейчас-то опять уже, конечно, говорят, что плохо. А вот, разобраться, что плохого, если человеку нравится, ну ходить там на праздники эти, свечки ставить, молиться. Потому что я же вот говорю. Оно, кажется, и не ждешь уже ничего такого, а оно, бац, и случается. Чего вот совсем не ждал, а оно внезапно так: на тебе! Кто-то же вот это все делает, чтобы не раскисали... не грустили чтобы, что живые. Вот и у меня так. Я же ничего, совсем ничего не ждал. Мы просто в грибы пошли. А я и грибник-то не бог весть какой важный. У других, я знаю, места свои грибные есть. Ну, знают где когда и что. Там после дождя или еще там после чего, или когда солнце... Кто в траве ищет, кто под елками. А я, ну если так по правде сказать, то я, как бы больше за компанию пошел. Я просто на рыбалку его брал и он ничего не словил, мы летом ездили. И тут как бы нужно было, потому что он позвал. Ну, думал, что в крайнем случае, на суп-то я уже собираю. Но не то чтобы я там чего-то большего ждал. Вот, правда... Это с швагром поехали. Он там завез в лес, короче, где он места знает, говорил, грибов море. Что чуть ли не прицепами из этого леса грибы возят. Ну, машину поставили. Он в одну сторону, я в другую, ясно же, не вместе же тягаться все время. Я с собой еще веревок взял, думаю, если грибов не найду. Хоть веников пару свяжу. Дуб, вроде еще крепкий такой был. На зиму уже вязать не будешь, а так на баню-две, что б со свежим сходить. Ну и ходил я там ходил, воздухом дышал, в лесу-то мне нравится. Я же говорю, даже вот не ждал ничего. Никакого там ни азарта... ничего такого не было. Но если вижу, то я же не прохожу тогда мимо, тогда уже собираю... что вижу. И сыроежки там. Я да, я и сыроежками не брезгую. В супе все хорошо, и сыроежки и не сыроежки. А тут слышу, хруст такой, как упало что-то. Я кричу такой: «Коля». Швагру Колей зовут. Тишина. Я: «Коля» Тишина. Думаю, может плохо сделалось, мы же не мальчишки уже, если так

разобраться. Ну я на треск этот и ломанулся. Правда же думал, что плохо стало. Ну, швагру. Смотрю, а там роги лежат. Натурально! Здоровые такие. Я по сторонам глянул-не видно лося. Я за рога эти. А они, вот, прямо еще... Их точно вот только что лось сбросил... потому что я их взял так, а там это место..., ну где отвалилось, оно вот как будто даже тепленькое еще. Я так рукой трогаю, а оно кругленькое и теплое. По сторонам посмотрел еще так. Что делать? Он же сейчас и второй рог сбросит. Не станет же он с одним ходить. Я ведро это оставил, телефон тоже в ведро положил, чтобы не зазвонил не дай бог. Ну и по следам... с рогом этим в руках. Ну как по следам, там где листья эти поварушаны, ну, видно где, что там кто-то шел. И иду тихо так, чтобы не вспугнуть. А вот ничего же не предвещало, такого и не ждал. Как ты такое ждать будешь специально? Так специально не придумаешь... удачу такую. И вот ничего же не знал тогда еще, что с ними делать, просто к себе прижал и по следам пошел. Вот, как вело что-то, натурально, как будто вело что-то такое... не знаю... А сам трогаю, трогаю, трогаю. И там это место, где отвалилось, оно, конечно, теплое уже от моей руки было, потому что я только там трогал. Вот, не понятно ничего... ни крови, ни хряща там какого-нибудь... Как оно там крепилось вообще? Как держалось? Они же ими дерутся, а потом так отваливается, что просто тепленькая кость, или я не знаю...

Там, хоть и не везде было понятно, потому что не везде же листья. Где-то и елки растут, ну и ветки там, заросли всякие. А я пройду немного... Ну, не побежишь же тоже... чтобы не вспугнуть. Пройду немного, стану так за деревом... А сам, вот, не могу, хоть убей, все это место трогаю, где отвалилось. Я по натуре такой, мне вот интересно, там, что где и как крепится. А тут вообще не понятно, как оно так отвалилось... Они болтались, что-ли, как уши ослиные? Ну, не может же быть, что б болтались! И вот не посмотрел же еще, как на зло, может, он ими об дерево бил, там бы видно было по дереву. Это же такая махина, если на роги посмотреть, ну, или упирался во что. Сразу не подумал, а потом как же ты уже узнаешь. Так я даже не курил, вот сколько по лесу этому ходил, столько и не курил. Они же запах такой, ну... чувствуют. Я же его догнать собирался, что б посмотреть как он второй рог сбросит.

Да я бы, может, и посмотрел бы, так в болото какое-то уперся. Там, в болоте, где ты уже увидишь, в какую сторону он пошел. Ну, ладно думаю. Ничего. И так хорошо. И так всю жизнь жил, и не знал, что такая удача бывает. Я назад, а уже темновато так. Оно, вроде, и не поздно же еще было, но в лесу же всегда раньше темнеет... Пошарахался я конечно по этому лесу. Но оно как бы не сильно и обидно было, в ведре все равно ничего почти не было, телефон только, да и тот старый такой уже, что как бы и хер с ним. Короче, выбирался я только из леса, наверное, часа три. Это хорошо еще, что плюнул, что телефон не искал. Потому что это до дороги только. И вот интересно еще... У них же рога для того, чтобы драться... а тут, пока отрастут еще... А если встретит кого с рогами, ну, или волка, там, не драться тогда, или что?

Но я потом успокоился, подумал, что может он потому один и сбросил. Одним-то еще можно как-то отбиться. Так что даже хорошо, что не видел, как он второй рог сбросил. Так бы вообще грустно за него было. Когда на дорогу вышел, так уже совсем темно было. Но, правда, подобрали быстро. Видели, наверное, с каким я трофеем. Может, они и правда, какие счастливые. Так что, как вышел, так я через два часа уже дома был. С дома уже швагру позвонил. А он и говорит, что грибов нарезал три ведра. Ну и молодец, думаю, я-то тоже не с пустыми руками. Но ему, правда, не говорил. А потом, ну, на следующий день, я в магазин пошел, думал, дощечку какую купить. Мне там не много и надо было. Посмотрел дома по интернету как там что крепится должно. Там же не возьмешь эти роги, так, на саморез просто. Они же так держаться не будут, если на них повесить что, там, шапку с курткой, шарфы. Я прикинул, мне бы хватило так сантиметров тридцать на тридцать. А они мне как залупили, там, в магазине. Там чуть ли не... ну не знаю. Там во-первых кусочками такими не продают, а целую сразу бери. А какие там доски, если разобраться. Ну правда же. Вот горбыли какие-нибудь, крученые там всякие, с суками. Так я вспомнил, что у меня на чердаке дубовая такая доска есть. Я не помню уже, там, где я ее брал даже. Они коротенькие такие, может по метру, может чуть больше, а может даже и нет. Они еще толстые такие, сантиметров по шесть, как раз, чтобы паз этот сделать. Я все думал, что столик такой на улицу сделаю. Но уже все. Как раз она мне туда подошла. Вот, оно все прямо само складывалось. Пошел еще в конец улицы. У нас там клен. Я лист один сорвал, у него большие такие листья. Так я по листу этому прямо так по дощечке обвел. Обычно, как гербы делают такие дощечки, или как щиты, а мне вот захотелось, чтобы красиво получилось. Запилил я ее так по форме этой. Я же почитал, там, посмотрел, как оно делается. Так я и этот рог под угол, так, запилил, чтобы вот не перпендикулярно дощечке он был, а вверх чуть-чуть. Ну и вонь, конечно от него шла пока пилил... Ну, от рога. Я еще думаю, что б его не повредить, что б не отломалось там что не красиво, я его пилкой по металлу пилил. Доску эту потом зашкурил. Тоже руками все. А потом еще как вспомнил... что у от дочери выжигатель остался. Рисовали такими в школе раньше. Так я этим выжигателем такие прожилки еще сделал, чтобы как на листике настоящем. Красиво, так, выжег. Я же роги эти в листьях нашел. Потом морилкой покрыл, и лаком сверху в два слоя. В рогах только дырку просверлить сложно было. Ну, а потом, когда уже высохло все, я рог этот в паз туда, в потай... на клей его, и саморезом еще прихватил. Только сверлил пятеркой, а прихватывал восьмеркой, чтобы надежно было. Роги не шкурил, подумал, вещами отшлифуются...

А как раз дочка приехала, так ей все это творение понравилось. Так она уже смеялась и фотографировала, что я и не удержался-ей подарил. Она поначалу брать не хотела, говорит, столько старался, себе, говорит, оставь. А я, вот так разобраться, сколько я там старался... Мне же приятно было и найти и до толку довести. Ну, забрала она их потом, короче. Сказала, в офисе повесит.

Она в Минске секретаршей работает. Они там игры всякие для телефонов делают. Сказала, что «несказанно обрадуются все». Так и сказала: «несказанно». А мне что, пусть радуются. Я тоже радовался, когда их нашел. А потом еще, что сделал так красиво. А себе я то отпиленное оставил. Ну, место то кругленькое, что отвалилось. Хотел на ключи повесить, потом подумал, что глупо как-то. Так просто в кармане ношу. На удачу. Жонка, хоть, и говорит, что джинсы все на этом месте протираются. Ну, так, что ж ты сделаешь. Все равно же это к удаче. Я, когда случается что, так я их в руках постоянно кручу. Они от этого и заполировались так красиво. Трогаю, трогаю и так приятно от них становится, так спокойно, что словами не передать. Кажется, что будет еще все. С одним рогом я думаю, можно отбиться.

Алексей Макейчик
makeichik@gmail.com